

Жюльетта
Бенцони

Жюльетта
Бенцони

Голубая звезда

Том 1

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 46

Juliette Benzoni
LE BOITEUX DE VARSOVIE
L'étoile bleue

Copyright © Plon, 1994

Перевод с французского *В. Жуковой* и *Н. Хотинской*

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Бенцони Ж.
Б 46 Голубая звезда. Т. 1 / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. В. Жуковой и Н. Хотинской]. — М. : Эксмо, 2014. — 224 с. — (Бенцони. Лучшие любовные романы).

ISBN 978-5-699-71567-1

Великолепные старинные драгоценности... прекрасные женщины... древние тайны... В жизни князя Альдо Морозини нет в этом недостатка. Однако страсть к авантюрам толкает его на новое приключение. Он ищет четыре драгоценных камня, украденных из храма. Поиски знаменитого сапфира «Голубая звезда» странным образом связывают его судьбу с судьбой юной девушки, такой загадочной и такой прекрасной, что ей на долгие годы суждено стать его тайной мукой. Князь спасает ее от смертельной опасности, однако красавица вынуждена стать женой другого. Но их история еще далеко не закончена...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Жукова В., Хотинская Н.,
перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке.
Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71567-1

Пролог

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зима 1918

Рассвет не наступал очень долго. В декабре так бывает всегда, но эта ночь, казалось, испытывала коварное удовольствие, длась бесконечно и не желая, видно, смириться с необходимостью покинуть сцену...

С тех пор как поезд проехал Бреннер, где совсем недавно был воздвигнут обелиск, обозначающий новую границу бывшей Австро-Венгерской империи, Альдо Морозини никак не мог уснуть, ему лишь ненадолго удавалось сомкнуть веки.

Пепельница в его обшарпанном купе, куда после Инсбрука никто не входил, была полна окурков. Еще не погасив одну сигарету, Альдо зажигал другую, и, чтобы проветрить помещение, ему не раз приходилось опускать окно. Снаружи вместе с ледяным ветром в купе врывалась искрящаяся угольная пыль, которую изрыгал старый локомотив, вполне пригодный для отправки на свалку. Но одновременно с пылью через открытое окно проникали и альпийские запахи, ароматы хвои и снега, перемешанные с каким-то тончайшим, едва ощутимым благоуханием, отдаленно напоминающим знакомые испарения над лагунами.

Путешественник ждал встречи с Венецией, как в былые времена — свидания с женщиной в том месте,

которое называл своей «сторожевой башней». И, быть может, сейчас сильнее горел нетерпением, ибо Венеция — он был уверен в этом — никогда его не разочарует.

Решив не закрывать окно, Альдо опустился на потертое бархатное сиденье в своем купе первого класса с облупившимися инкрустированными столиками и потускневшими зеркалами, в которых еще недавно отражались белые мундиры офицеров, направлявшихся в Триест, чтобы подняться на палубы австрийских кораблей, стоявших там на рейде. То были погасшие блики мира, обернувшегося кошмаром и анархией для побежденных, облегчением и надеждой для победителей, в числе которых, к большому удивлению самого князя Морозини, оказался и он.

Война как таковая закончилась для него 24 октября 1917 года. Он был одним из тех трехсот тысяч итальянцев, которые составили огромную группировку, взятую в плен при Капоретто вместе с тремя тысячами пушек и множеством других военных трофеев. В результате этого князь провел последний год в тирольском замке, превращенном в лагерь для военнопленных, где по особому разрешению ему была предоставлена хоть и небольшая, но отдельная комната. Произошло это по простой, хотя и не совсем приличествующей данным обстоятельствам причине: перед войной, в Венгрии, во время охоты в имении Эстергази, Морозини познакомился со всемогущим тогда генералом Хотцендорфом.

А ведь неплохим человеком был этот Хотцендорф!

Его посещали иногда гениальные озарения, сменявшиеся, увы, драматическими периодами протрапии. У него было вытянутое умное лицо, на котором красовались большие усы «а-ля эрц-герцог Фердинанд», ежик белокурых волос и задумчивые глаза неопределенного оттенка. Один бог знает, что произошло с генералом после того, как в июле месяце он впал в немилость, потерпев ряд поражений на итальянском фронте под Азиаго! Конец войны обрек его на своего рода безвестность, которая, с точки зрения Морозини, позволяла относиться к нему просто как к старому знакомому...

Около шести утра под завывания порывистого ветра поезд прибыл в Тревизо. Теперь всего лишь тридцать километров отделяли Альдо от любимого города. Чуть дрожа, он зажег последнюю, пока еще австрийскую сигарету и, медленно помахав рукой, отогнал дым. В следующий раз у табака будет божественный запах обретенной свободы.

Рассвет уже миновал, когда поезд выехал на длинную дамбу, к которой пришвартовывались венецианские суда. В свете серого дня поверхность лагуны поблескивала, как старинное олово. Окутанный желтым туманом город был едва различим, и через распахнутое окно в купе проникал соленый запах моря, доносились крики чаек. Сердце Альдо забилося вдруг с тем особым трепетом, что вызывает предстоящее любовное свидание. Однако ни жена, ни невеста не ждали его в конце дамбы, огороженной двойной стальной проволокой, протянутой над волнами. Мать Морозини, единствен-

ная женщина, которую он обожал всю жизнь, недавно умерла, не дожив всего лишь нескольких недель до его освобождения, и горечь той утраты сильно усугублялась ощущением абсурдности происходящего, разочарованием, связанным с необратимостью смерти: такую рану залечить нелегко. Изабелла де Монлор, княгиня Морозини, покоилась теперь на острове Сан-Микеле, под сводами гробницы в стиле барокко, расположенной неподалеку от капеллы Эмилиана. Теперь белый дворец, похожий на цветок, распустившийся над Большим каналом, покажется пустым, лишенным души...

Воспоминание о доме помогло Морозини справиться с болью: поезд подъезжал к вокзалу, а ступить на землю Венеции со слезами на глазах для него было непроизволительно. Заскрежетали тормоза; легкий толчок — и локомотив выпустил пар.

Альдо стащил с вагонной сетки свой нехитрый скарб, спрыгнул на перрон и побежал.

Когда он вышел из здания вокзала, туман уже переливался сиреневыми бликами. Морозини сразу заметил Дзаккарию, стоявшего у ступенек, спускающихся к воде. Прямой, как свеча, в котелке и длинном черном пальто, дворецкий ожидал своего хозяина, вытянувшись в струнку; он так привык к своей несгибаемой позе, что иначе держаться, видимо, и не смог бы. Наверное, не так уж легко было обрести такую осанку пылкому венецианцу, который в молодые годы внешне больше смахивал на оперного тенора, нежели на дворецкого княжеского дома.

Годы и обильная еда, которой он был обязан стараниям своей жены Чечины, оставили свой отпечаток, придав Дзаккарии некий масляный лоск, импозантность и степенность; благодаря им он почти достиг той олимпийской величественности, того умения взирать на все чуть свысока, которыми отличались его собратья англичане, всегда вызывавшие у него зависть. Вместе с тем — и это было весьма забавно — полнота придавала ему сходство с императором Наполеоном I, и Дзаккария чрезвычайно этим гордился. Зато Чечину его напыщенность приводила в отчаяние, хотя она и знала, что на сердечные чувства мужа это никак не влияло. Тем не менее женщина любила повторять, что, упавши она замертво у него на глазах, Дзаккария будет больше озабочен тем, как сохранить внешнее достоинство, нежели своими горькими переживаниями, в которых Чечина, впрочем, не сомневалась, но была убеждена, что первой его реакцией станут неодобрительно нахмуренные брови из-за несоблюдения внешних приличий.

И тем не менее!.. Заметив приближающегося Альдо в потертом мундире, его восковой цвет лица, свидетельствующий о лишениях и недостатке солнца, царственный Дзаккария сразу утратил всю свою спесь. Со слезами на глазах он бросился к возвратившемуся хозяину, да с такой пылкостью, что котелок свалился с его головы и, как черный мяч, скатился в канал, поплыл по воде, представляя собой забавное зрелище. Но взволнованный Дзаккария даже не обратил на это внимания.

— Князь! — простонал он. — Боже мой, в каком вы виде!

Альдо рассмеялся:

— Ну, не драматизируй, пожалуйста! Лучше обними меня!

Они бросились друг другу в объятия, растрогав молодую цветочницу, раскладывавшую на прилавке свой товар; выбрав великолепную ярко-красную гвоздику, она протянула ее приезжему с легким поклоном:

— С благополучным прибытием! Венеция приветствует одного из вновь обретенных своих сыновей! Примите этот цветок, *Excellenza*¹. Он принесет вам счастье...

Цветочница была хорошенькой, свеженькой, как ее маленький передвижной сад. Морозини принял подарок и на улыбку девушки ответил улыбкой.

— Я возьму этот цветок на память. Как вас зовут?

— Дездемона.

И в самом деле, сама Венеция встречала его!

Уткнувшись носом в гвоздику, Альдо вдохнул горьковатый аромат цветка, затем прикрепил его к петлице своего потрепанного мундира и вслед за Дзаккарией влился в суетливый водоворот, который не может отменить никакая война: рассыльные отелей выкрикивали названия своих заведений, почтовые служащие ждали, когда в их лодку погрузят корреспонденцию, гондольеры шастали в поисках ранних клиентов. И на

¹ Ваше превосходительство (*ит.*).

конец, толпа людей высаживалась с морского трамвайчика, прибывшего на станцию Санта-Лючия.

— Стоило замолчать пушкам, как повалили туристы, — удивился Морозини.

Дворецкий пожал плечами:

— Туристы приезжают всегда. Наверное, нужно, чтобы нас поглотило море, только тогда никто не появится... хотя!

У нижних ступеней, перед выстроившимися в ряд мальчишками и зеваками, пассажира ожидала великолепная гондола с бронзовыми крылатыми львами и малиновыми бархатными подушечками, расшитыми золотом, — к вокзалу редко подплывали гондолы такой красоты. Высокий, худой, как танцор, гондольер с белокуроыми, отдающими в рыжину волосами изо всех сил старался выудить из воды шляпу Дзаккарии. Он преуспел в этом как раз в тот момент, когда князь спустился в гондолу; юноша поймал промокший головной убор, затем бросил его к своим ногам и весело воскликнул:

— Добро пожаловать, наш дорогой князь! Какая радость, какой чудесный день!

Морозини пожал ему руку:

— Спасибо, Дзиан! Ты прав, день — прекрасный! Даже если солнце немного хмурится.

Но светило тем не менее сделало робкую попытку бросить луч на зеленый купол церкви Сан-Симеон, и он вспыхнул на секунду, будто по-дружески подмигнул. Сидя рядом с Дзаккарией, Альдо наслаждался

дуновениями морского ветерка, в то время как Дзиан, легко прыгнув на хвост черного «скорпиона», запутавшегося в красно-золотой сети, одним взмахом длинного весла направил его на середину канала. И длинный водный проспект, по обеим сторонам которого тянулось каменное кружево дворцов всевозможных пастельных оттенков, поплыл навстречу Альдо. Князь мысленно перечислял все названия, как будто хотел убедиться, что долгое отсутствие не стерло их из его памяти: Вендрамин-Калерджи, Фонтана, Пезаро, Сачредо, Корнер, Ка д'Оро, Манин — где родился последний дож, Дандоло, Лоредан, Гримани, Пападополи, Пизани, Барбаричо, Мочениго, Редзониго, Контарини... Дома раскрывали перед путешественником Золотую книгу Венеции, но прежде всего они ассоциировались с родственниками, друзьями, полузабытыми лицами, воспоминаниями, а отливающий всеми цветами радуги туман прекрасно сочетался с этими зданиями, милосердно обволакивая их трещины, заживляя раны... Наконец за вторым изгибом канала появился фасад дворца эпохи Возрождения с возвышающимися над ним двумя изящными обелисками из белого мрамора, и Морозини оторвался от грез: он приближался к своему дому...

— Чечина ждет вас, — вздохнул Дзаккария... — Надеда даже праздничное платье. Надеюсь, вы оцените это?

Действительно, перед сводчатым порталом, откуда прямо к зеленой воде спускались широкие белые ступе-

ни, стояли три женщины. Издалека их можно было принять за каминные фигурки: та, что стояла в середине, была покруглее остальных и походила на каминные часы, а две другие, стоявшие по бокам, вполне сошли бы за тоненькие подсвечники.

— Давай-ка поторопимся! — сказал Альдо, весело разглядывая красивое платье из черного шелка с торчащими складками и кружевной чепец, украшающие его кухарку. — Чечина долго не выдержит, поскольку не выносит парадной одежды, считая, что она лишает ее вдохновения. А я уже несколько месяцев мечтаю о моем первом домашнем обеде!

— Будьте спокойны! Вчера она четыре раза послала меня в Сан-Сервало, чтобы заставить самыми крупными моллюсками и самой свежей рыбой. Но вы все же правы: лучше поддержать ее хорошее настроение!

Мудрые слова! Вспышки кухаркиного гнева были столь же знамениты во дворце Морозини, как и ее кулинарные таланты, невероятная щедрость и немислимые лохмотья, которые она напяливала на себя, когда чудодействовала у своих плит. Чечина родилась у подножия Везувия, и, по-видимому, в ней бурлила и кипела такая же кипящая лава, как в ее родном вулкане, потому-то в Венеции она стала своего рода достопримечательностью. Ибо в этом городе люди были спокойнее, сдержаннее, цивилизованнее, чем на ее родине.

Чечина оказалась главным сувениром, приобретенным матерью Альдо в свадебном путешествии. Она на-

шла ее на улочке старого Неаполя; девушка рыдала, причитая над телом брата, который стал жертвой одной из банд, что слишком часто нападали на бедные кварталы города и обирали их жителей. Упомянутый брат был, между прочим, единственным родственником Чечины, и ее саму едва не постигла та же участь. Но долго ли оставили девушку в покое? Пожалев бедняжку, княгиня Изабелла решила взять ее к себе в услужение.

Венеция понравилась маленькой неаполитанке, несмотря на то что климат и подчеркнута неприступные горожане показались ей не слишком приятными, однако римский профиль и прекрасные черные глаза Дзаккарии, бывшего в те времена лакеем на побегушках, очень скоро покорили ее.

Когда обнаружилось, что юноша питает к девушке ответное пылкое чувство, однажды летом, в жаркий день, их поженили; венчание состоялось в часовне княжеской виллы, владении Морозини на берегу Brentы. Затем, разумеется, началось веселье, во время которого новобрачный немного злоупотребил вальполичеллой. В результате первая брачная ночь прошла очень бурно, ибо Чечина, возмущенная тем, что оказалась предметом похотливых притязаний пьяницы, сначала отколотила супруга палкой от половой щетки, а затем окунула его голову в таз с холодной водой. После этого она отправилась на кухню и приготовила ему чернейший, крепчайший, густейший и ароматнейший кофе, какого тот никогда не пил. Протрезвевший Дзаккария

был очень признателен ей за это и забыл о палочных ударах, горя желанием заслужить прощение.

С той приятной ночи 1884 года ссоры и проклятия чередовались в семье Терлунджи со страстными поцелуями, клятвами в вечной любви и вкуснейшими блюдами, которые Чечина тайком готовила для мужа, когда дворцовая кухарка спала, поскольку в те времена молодая женщина служила еще горничной.

Дзаккария обожал скромные ужины наедине с женой, но случилось так, что однажды вечером, вернувшись из гостей раньше, чем предполагалось, князь Энрико, отец Альдо, почувствовал, что ноздри ему щекочет соблазнительный запах; он зашел на кухню, раскрыв тем самым секрет и одновременно кулинарный талант служанки. В полном восторге он безо всяких церемоний уселся рядом с Дзаккарией, потребовал тарелку, бокал и отведал угощения. Неделей позже штатная кухарка бросила свой накрахмаленный фартук в лицо самозванке, а та сложила с себя полномочия горничной, завладев княжескими кастрюлями и получив безраздельное право царить над кухонным персоналом с благословения хозяев дома.

Княгиня Изабелла, происходившая из очень знатного и очень древнего герцогского рода де Монлор из Лангедока, испытывала даже определенное удовольствие, передавая некоторые рецепты блюд заальпийской кухни своей искусной поварихе, которая чудесно их готовила. Благодаря этому все детские годы Альдо с наслаждением вкушал всякие лакомства: воздушные